

ствовали, бывали общими. Жил по-рою въ развалившихся избах съ му-жиками, бурсаками, даже въ притон-ницах; жиялъ также и въ роскош-номъ домѣ своего бывшаго универ-ситетскаго товарища, помогая ему въ е-го занятияхъ; иногда елѣ переходилъ въ призывную обстановку бѣдной пролетар-ской жизни. Любилъ я мучилъ свою лю-бовью, сознавая, что она напрасная, часто въ бѣготненномъ пылу напрасно-го чувства дѣлалъ разныя несорособо-ности и неразумныя поступки. По-дѣхалъ изъ Харькова въ Одессу со-своими университетскимъ товарищамъ въ видахъ отправиться съ ними за-границу (мнѣ было все равно, куда бы ни ѣхалъ—хоть въ адъ), но это не состоялось по обстоятельствамъ, имѣ-вшимъ независящимъ. Изъ Харькова ѣхалъ черезъ два я въ другой разъ, опять прѣхалъ въ Одессу, а товари-щи мой ѣхалъ въ Москву), но остался въ незнакомомъ городѣ болѣ-ной, безъ средствъ, продалъ свою ли-бимую библиотечку по крайней необ-ходимости, но благодаря нѣкоторымъ знакомствамъ не погибъ тамъ окон-чательно. Только съ Одессы началъ я чувствовать въ болѣе сильной степ-ени припадки ипохондрики... Тутъ я и познакомясь съ Розенблютомъ, ко-торъ вамъ можетъ разсказать обо мнѣ. Узнана была внутренняя жизнь мою въ Одессѣ, бѣдственная и бѣда бы-вавшій мою жизнь, при разныхъ на-думкахъ, ложныхъ страхахъ, сомнѣ-ніяхъ, разубѣжденіяхъ, ипохондрики... Въ это время была начата первая кни-жа моихъ стихотвореній. Я горько сомнѣвался въ своихъ литературныхъ способностяхъ, и плавалъ какъ ребѣнокъ, выпуская ее въ свѣтъ. Но онъ, противъ моего ожиданія, нѣмла у-дѣлъ и въ публикѣ и со стороны критики. Ею я приобрилъ известность въ литературѣ. Черезъ нее я позво-моллся съ людьми до тѣхъ поръ чуждаго, несомнѣнно-далекаго для меня круга: Львомъ Сергѣевичемъ Пу-

